

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.15>

Горшенёв Дмитрий Сергеевич

РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ЛАТИНО-АМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР

В статье рассматривается эволюция ценностного подхода к международным отношениям в ее исторической перспективе: от классических работ И. Канта до структурно-функционального анализа ценностной мотивации международных акторов Э. Дюркгейма. Проведенный анализ подводит к выводу, что возникновение новых концепций на основе ценностного подхода позволяет радикально пересмотреть архитектуру международных отношений для построения многополярного мира. Латинская Америка, таким образом, становится одной из площадок, на которых ценности духовно-религиозного плана играют роль регуляторов международных отношений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/11-2/15.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(97). Ч. 2. С. 249-253. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 19.07.2017

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.15>

В статье рассматривается эволюция ценностного подхода к международным отношениям в ее исторической перспективе: от классических работ И. Канта до структурно-функционального анализа ценностной мотивации международных акторов Э. Дюркгейма. Проведенный анализ подводит к выводу, что возникновение новых концепций на основе ценностного подхода позволяет радикально пересмотреть архитектуру международных отношений для построения многополярного мира. Латинская Америка, таким образом, становится одной из площадок, на которых ценности духовно-религиозного плана играют роль регуляторов международных отношений.

Ключевые слова и фразы: ценности; международные отношения; международные организации; Латинская Америка; И. Кант; Э. Дюркгейм; этика международных отношений; ценностные идеалы; долг; свобода.

Горшенёв Дмитрий Сергеевич

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

hasta_lvictoria@yahoo.com

РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ЛАТИНО-АМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР

Ценности, то есть смысловые основания предпочтений в материальной или духовной сторонах человеческой деятельности, – одна из актуальных проблем философского рассмотрения социокультурных процессов. О роли ценностей в различных областях жизни, включая сферу международных отношений, говорится достаточно давно.

Современный подход к этой теме характеризуется несколькими основными ракурсами.

Во-первых, речь идет о своеобразном «сверх-прагматизме», который обосновывает роль нематериальных факторов в истории человеческих отношений [4, с. 16; 17; 26, с. 206] и дипломатии [2, с. 119].

Такие понятия, как «честь», «долг», «свобода» и т.д., не так уж редко оказываются в политике не менее весомыми, чем соображения экономического характера и даже национальной безопасности. Заметим: допущение ценностных детерминант в качестве одного из ресурсов принятия политических решений не делает следствия этих решений автоматически позитивными – достаточно вспомнить наш «долг перед союзниками», выступивший одним из оснований вступления России в Первую мировую войну. Несколько иначе следует, очевидно, интерпретировать «интернациональный долг» – медийный оборот, легитимировавший для массового сознания войну СССР в Афганистане. Таким образом, можно выделить *второй* смысл «аксиологического поворота» в практике международных отношений – использование ссылки на ценности не в качестве реального мотиватора действия, но как «отвлекающего маневра», апеллирующего к массовому сознанию и призванного скорее скрыть, чем выявить истинные цели политики [25, с. 280].

Научный анализ этих и подобных явлений представляет собой – по понятным причинам – площадку острых и не всегда далеких от политической ангажированности дискуссий. С другой стороны, эти дискуссии действительно нельзя отрывать от политического контекста, который выступает не просто фоном, но условием развертывания исследуемых процессов.

Как показывает практика, «аксиологический спор» в теории международных отношений не потерял своей актуальности и в условиях пост-биполярного мира [1, с. 10]. Если максимально упростить его предмет и редуцировать ценности до их этического содержания, то речь идет о научном обосновании необходимости выбора (при принятии политически значимых решений) между должным и сущим. И, следовательно, между этикой долга и этикой обязанностей, что можно представить как противостояние двух парадигм политического действия: «деонтологизма» и «реализма». Требование детального анализа каждой из этих парадигм выводит рассуждение о них из сферы «чистой прагматики», а заодно – и из сферы, подлежащей анализу, исходящему исключительно из рациональных оснований [7, с. 270; 9, с. 12; 24, с. 196]. Таким образом, философско-культурологическое рассмотрение данных процессов необходимо сопровождать бережно интерпретируемой эмпирической базой, которая далеко не всегда готова дать себя подстроить под стройные логические схемы.

Отметим: за время, прошедшее с момента подписания Вестфальского мира, мировому сообществу так и не удалось сделать однозначный выбор в пользу одного из этих подходов. С одной стороны, ценности и нормы («долг») завоевывают все больше места в международной политике. С другой – национальный интерес («обязанности») и принцип силы до сих пор являются основой внешнеполитической стратегии современного государства на международной арене. Поэтому не удивительно, что завершение Холодной войны стало, по мнению одних аналитиков динамики мирового политического процесса, решающим шагом к построению глобального «общества сотрудничества», а по мнению других, – привело лишь ликвидации очередного препятствия на пути «либеральной экспансии». Не стоит забывать и о тех радикальных трансформациях, которые претерпевает сегодня мировая политическая система, нередко меняющая конфигурацию политических соответствий на основании ценностно-культурологических маркеров [18 с. 209; 23, с. 236].

В качестве аргумента со стороны противников стратегии деонтологической парадигмы, направленной на реализацию должностования в качестве подлинной цели глобального взаимодействия, приводится утверждение об отсутствии *общности* базовых интересов и ценностей, которые позволили бы сформировать сеть общих правил, норм и институтов для регулирования взаимоотношений в этой сфере. То есть принцип реализма, опять же, опирается не только в разговор об эмпирической базе исследования, но выводит к проблемам достаточно абстрактного, высоко теоретического и вместе с тем вполне «реалистического» характера. Проще говоря, имеет место парадокс несомненного существования феномена международного права (а также целого спектра научных школ, его изучающих [20, с. 164]) при отсутствии единого свода законов, который был бы принят в качестве всеобщего правового регулятора в данной области. Таким образом, проблема аксиологических оснований – это еще и проблема действительных и возможных оснований правовой нормы как обладающей всеобщей обязательностью и вместе с тем имеющей открытые перспективы развития, коренящиеся в сфере должного и выводящие практику правотворчества на принцип гармонизации [15, с. 211; 16, с. 265; 28, с. 140; 35, р. 101, 103] и др.

Напротив, сторонники деонтологического подхода к международному праву (и, соответственно, к ценностным основаниям международного сотрудничества) нередко апеллируют к идеям трактата И. Канта «К вечному миру». В этой работе философ, как известно, переосмыслил идеи своих предшественников – Эразма Роттердамского («Жалоба мира», 1615 г.) и Франсиско де Виторрии («De Potestate Civili», 1528 г.) – о возможностях и условиях отказа от насильственного решения конфликтов путем установления прочного мира между всеми государствами. Проект Канта, как подчеркивают современные комментаторы, направлен не на устранение локальных конфликтов, но на установление прочного мира в масштабе всего человечества. В то же время мир между народами основывается в его концепции на идее прав человека и гражданина, а также на идее международного права, охватывающего все государства. Опора на эти ценности, общие для всех людей в логическом смысле, позволяет, по мнению немецкого философа, сдерживать возникновение новых конфликтов и при необходимости регулировать уже имеющиеся [37, S. 10].

Далее И. Кант называет несколько обязательных условий для реализации проекта вечного мира:

- 1) внутреннее устройство государств должно быть республиканским;
- 2) государства должны заключить между собой мирный союз (*foedus pacificum*);
- 3) всем людям должно быть гарантировано право всемирного гражданства [14, с. 255-258].

Однако насколько названные выше ценности «прикладного» характера можно считать общечеловеческими? Ведь для того, чтобы они стали таковыми, по Канту, необходимо показать их телеологическую основательность. Но сложность в том, что мир и его организм видятся нами уже в «сотворенном» виде, и нам неизвестно, как и в соответствии с каким «планом» они появились. Кант в таком случае предлагает обратиться к идее Бога как некоему интуитивному разуму, особенность которого в том, что он начинает с плана, цели, с интуиции целого и уж затем «схватывает» части, подчиняя их «плану» целого [15, с. 156].

Можно подойти к вопросу и с другой стороны, обратившись к интерпретации этих статей «Вечного мира» с точки зрения кантовской этики. Основными философскими категориями, связанными с аксиологией, в этом случае будут **свобода**, **долг** и **воля**. Так, принятие Окончательных статей всеобщего мирного договора, приведенных выше, Кант предполагает на основе доброй **воли** – мотива теоретического и практического нравственного выбора, который невозможен без **свободы**. Свобода же связана с понятием «**должного**» – того, к чему необходимо стремиться – к «собственному совершенству и чужому счастью». При этом оба устремления не только выполняются по долгу, но и по соображениям долга. Именно добрая воля, долг и свобода – если подойти к ним с точки зрения теории международных отношений – ценности, которые будут определять ту или иную расстановку сил на международной арене.

Подобно И. Канту, «отец социологии» (а заодно и современного социологизаторства) Э. Дюркгейм рассуждал не только о категориях, но и об отношении сознания к этим категориям. Для него ясно, что человеческое сознание должно опираться на что-то общее; но он настаивает, что это «общее» должно иметь социальную природу. Отметим: позднее принцип социологизма Э. Дюркгейма развит школой структурно-функционального анализа, где понятие ценности становится средством выявления и описания социальных отношений и институтов. Ценность выступает здесь как способ бытия, являющийся значимым для каждого субъекта, следовательно, имеющий общезначимые основания (пусть даже не раскрывающиеся в некоторой объективированной – например, правовой – области). Такой подход позволяет вывести теорию ценностных оснований международных отношений на новый уровень, включив в сферу рассмотрения не только ценностные основания, но основания самих ценностей – их онтологические предпосылки (сведенные, в данном случае, к духовной объективации общественных отношений в общественном сознании).

Отношения между государствами, когда противоречия решаются путем диалога, а взаимодействие основано на взаимовыгодном партнерстве, можно считать некоторым политическим (а также этическим, деонтологическим и культурологическим) идеалом [10, с. 36; 21, с. 15]. По мнению Дюркгейма, именно идеал становится основой ценности любого порядка – религиозного, экономического или политического [12, с. 304]. Сам идеал берется при этом как данность и характеризуется двумя признаками – он существует вне индивидуального сознания, но оказывает на индивида принудительное действие. То есть с помощью идеала воспроизводится коллективный образец, составляющий определенную реальность (*suū generis*), отличную от воплощающих ее индивидуальных фактов: «Когда я действую как брат, супруг или гражданин, когда я выполняю заключенные мною обязательства, я исполняю обязанности, установленные вне меня и моих действий правом и обычаями. Даже когда они согласны с моими собственными чувствами и когда я признаю в душе их реальность, последняя остается

все-таки объективной, так как я не сам создал их, а усвоил их благодаря воспитанию» [11, с. 412]. Применительно к международным отношениям этот постулат работает так же. Вступая в должность, политик начинает действовать в рамках уже установленной внешнеполитической доктрины, которая является объективным выражением реалий существующей политической культуры. Свобода, долг и личная воля не могут «выпрыгнуть» из этих внешних обстоятельств. Вместе с тем, опираясь на эти основания, политик может принимать решения, выходящие за рамки «простой» трансляции сложившихся трендов [3, с. 35; 5, с. 35; 32, с. 172; 33, с. 182].

В странах Латинской Америки в связи с коллективным бытием «латиноамериканского человечества», которое определяет бытие нации и личности [15, с. 24], феномен эффективности «реалистического идеала» можно наблюдать в масштабах всего региона [29, с. 17]. Правда, большой вопрос – как этот феномен связан с утопическим сознанием и всеми следствиями, вытекающими из возникновения подобных массовых ожиданий. Однако в любом случае в Латинской Америке сегодня несомненно имеет место так называемый «левый поворот», когда в принципиально новых условиях, на ином витке мирового развития (речь идет прежде всего о периоде с 1998 г. по 2009 г.) произошло своеобразное возрождение «левых» идей и соответствующих им идеалов. Этот поворот, как и реакции латиноамериканского общества на неолиберальную парадигму [30; 33, с. 183], продемонстрировал высокую релевантность подхода, предложенного Дюркгеймом. Государства, формируя свой внешнеполитический курс, вынуждены соотносить его с уже существующими реалиями, – например, при выборе партнеров и тех проектов, по которым партнерство в принципе возможно. Так, например, формирование блока ALBA и, соответственно, тесное взаимодействие в рамках этого союза Боливии, Эквадора и Венесуэлы опирается на политические реалии, ориентацию на определенную мировую повестку, учитывает состояние отношений с соседями и действия в оппозиции «свой-чужой».

Еще одним примером «коллективного сознания» региона стала работа Продовольственного саммита, созванного ООН (FAO) в Риме в 2008 г. Участвующие в этом мероприятии страны Южной Америки единогласно высказались по поводу проблем либерализации экспорта с/х продукции и производства биотоплива – вопросов, касающихся по большому счету лишь Аргентины и Бразилии, – поддержав позиции стран-лидеров региона. Такая солидарность была проявлена несмотря на то, что Венесуэла на тот момент пополняла свой бюджет по большей части поступлениями от продажи нефти, и производство альтернативных источников энергии могло негативным образом сказаться на ценообразовании за углеводороды. А Эквадор, например, в последние десятилетия, когда цены на продовольствие были низкими, перестал выращивать сам для себя пшеницу, кукурузу и сою, предпочтя дешевый импорт, поэтому либерализация экспорта стала бы для страны спасением [38]. Однако, понимая, что решение проблемы нехватки продовольствия, в том числе для стран Южной Америки, лежит в политической и ценностной плоскости, была продемонстрирована региональная солидарность как некий идеальный рецепт решения проблемы.

Интересно, что Дюркгейм разграничивает два «вида идеала». Во-первых, идеал – это понятие, которое отражает реальность такой, какой она является («существуют такие идеалы, назначение которых только выражать реальности, к которым они прилагаются, выражать их такими, каковы они суть. Это понятия в собственном смысле») [8, с. 105]. К таким идеалам можно отнести системы международных отношений, которые закрепляли уже существующую расстановку сил после потрясений, связанных с войнами и конфликтами, то есть речь идет об абстрагировании как таковом и идеализации как его результате.

Второй тип – «ценностные идеалы», которые подчеркивают новый аспект реальности, обогащающий ее под воздействием идеала. Для «ценностных идеалов» характерно то, что элементы, из которых они созданы, «заимствованы у реальности, но скомбинированы по-новому. Новизна комбинации создает новизну результата» [13, с. 233]. В современных международных отношениях к такому типу идеалов можно отнести идею многополярного мира, всеобщего разоружения, мультикультурализма и т.д. При этом оба вида идеала составляют фундамент аксиологического аспекта деятельности. Они довольно подвижны, так как определяются идеями, в которых в той или иной мере обобщается социальная жизнь – в том виде, как она существует в кульминационных пунктах своего развития. Дюркгейм особенно акцентирует внимание на том факте, что ценности по-разному воспринимаются в различные эпохи. В периоды социальной нестабильности или кризиса более активно рождаются новые ценностные парадигмы, способствующие обновлению сложившихся стандартов. В периоды стабильности, напротив, общественное сознание склонно к сакрализации существующих ценностей. Действительно, в наши дни появляется большое количество институтов, следящих за процедурной стороной воплощения ценностей в жизнь, – примером этого может служить громоздкий аппарат ООН, уделяющий огромное внимание процедурным вопросам осуществления идеала по поддержанию мира.

Исходя из сказанного, одним из оснований «левого поворота» в Латинской Америке можно считать реакцию общественного сознания на изменения общественного бытия. После распада биполярной системы в мире стали превалировать либеральные ценности, которые стали активно продвигаться вместе с экономико-социальными преобразованиями. Латинская Америка – регион с массой бедного и беднейшего населения, вместе с тем находящийся в зоне высокой политической активности граждан. Не удивительно, что «ценностный поворот» в одну сторону вызвал здесь реакцию и «скачок» в сторону других, не менее значимых подходов. Т. В. Панфилова пишет: «...свободу не следует навязывать. Свобода становится подлинной ценностью для человека, внутренне к ней подготовленного» [17]. Разговор о «свободе как ценности», по мнению Т. В. Панфиловой, «смыкается с проблемой субъектности»: «Чтобы свобода стала внутренней необходимостью развития личности, общество должно стимулировать ее на самостоятельные решения и на принятие ответственности за их результаты» [Там же].

Кажется справедливым перенести проблему «бессубъектности» и на межгосударственный уровень. С одной стороны, международное сообщество в лице безликого актора требует от государств уважения суверенитета

как высшей ценности (*Декларация ООН о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета*), с другой – принцип коллективной безопасности требует от государств реагировать на любые нарушения мира в любом районе земного шара, участвовать в совместных действиях на основе Устава ООН в целях предотвращения или ликвидации угрозы миру, тем самым ставя очередной вопрос о возможности ценностного подхода к международным отношениям. Итак, можно предположить: как бы ни определялись ценности, локально или универсально, принцип реализма требует признать приоритет одних ценностей над другими, исходя из конкретного контекста их применения. С этой точки зрения не следует ждать от латиноамериканских партнеров отказа от тех ценностей, которые соответствуют сложившейся в регионе практике коллективного взаимодействия. В то же время необходимость взаимодействия с контрагентами в системе международных отношений, очевидно, будет вызывать к жизни попытки встроиться в сложившиеся здесь практики с минимальными потерями и максимальной прибылью «для себя». В этом смысле ценности становятся сегодня очередным водоразделом во взаимоотношениях между государствами, нередко создавая дополнительный конфликтогенный потенциал. В нынешнем взаимозависимом мире ценности, даже свехаргументированные в теории, могут стать основой международных отношений только по доброй воле партнеров – при уважении суверенитета каждого из участников взаимодействия, что связано с установкой на перспективный диалог [24, с. 207; 29, с. 13]. При этом каждый участник неизбежно будет отстаивать собственные интересы и продвигать свое понимание общезначимых норм и принципов, основанное на том «способе смыслополагания» (А. В. Смирнов), который свойственен его «культурному коду».

Список источников

1. Баева Л. В. Культурное наследие в пространственно-временных границах // Гуманитарные исследования. 2011. № 4. С. 7-12.
2. Глаголев В. С. Дипломатическая служба: научно-теоретические, правовые и практические основы искусства дипломатии (размышления в связи с подготовкой нового издания учебно-методического комплекса «Дипломатическая служба») // Право и управление. XXI век. 2011. № 3. С. 119-121.
3. Глаголев В. С. Метатеории в управлении: прагматические последствия философских раздумий // Право и управление. XXI век. 2011. № 1. С. 33-41.
4. Глаголев В. С. Нематериальные факторы в международных отношениях // Современная наука о международных отношениях за рубежом: хрестоматия: в 3-х т. / под общ. ред. И. С. Иванова. М.: НП РСМД, 2015. Т. 1. С. 10-18.
5. Глаголев В. С. Правовая культура в системе национальных ценностей // Право и управление. XXI век. 2015. № 4. С. 33-38.
6. Глаголев В. С. Ценность личности и ее творческий потенциал // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 229-234.
7. Глаголев В. С. Этическая культура в науке – модель формирования творчества политиков-международников // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 3 (42). С. 269-271.
8. Гофман А. Б. Эмиль Дюркгейм о ценностях и идеалах // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 104-106.
9. Гусейнов А. А. Мораль как предел рациональности // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 4-17.
10. Гусейнов А. А. О чем мы говорим, когда говорим о диалоге цивилизаций // Международная жизнь. 2008. № 3. С. 34-43.
11. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. Л. Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. 576 с.
12. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
13. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
14. Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем.; вступ. ст. Ю. В. Перова. СПб.: Наука, 2006. 394 с.
15. Кант И. Трактаты. СПб.: Наука, 2006. 512 с.
16. Кутейщикова В. Н., Осповат Л. С. Новый латиноамериканский роман. 50-70-е годы: литературно-критические очерки. Изд-е 2-е. М.: Советский писатель, 1983. 424 с.
17. Панфилова Т. В. Ценности глобализованного мира: общечеловеческие или обезчеловеченные? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/245364/> (дата обращения: 11.04.2017).
18. Рекош К. Х. Влияние токования на правовой дискурс // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6. С. 209-216.
19. Рекош К. Х. Когнитивный аспект дискурса позитивного права // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 729-732.
20. Силантьева М. В. Историческое творчество в актуальном прочтении: культура как путь свободы в экзистенциальной диалектике Н. Бердяева // Творчество как национальная стихия. Смысл творчества: инновации и Dasein: сб. статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2016. С. 155-168.
21. Силантьева М. В. Межкультурный диалог – основа плодотворного взаимодействия в системе международного партнерства // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. № 5 (6). С. 14-17.
22. Силантьева М. В. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия модернизационных процессов // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6 (27). С. 206-210.
23. Силантьева М. В. Проблема «культурных границ» в современном мире: ценностный аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 235-239.
24. Силантьева М. В. Философия свободы о власти, воле и спасении души // Духовная и политическая власть: материалы Пятого Панаринских чтений / сост. и отв. ред. И. К. Кучмаева, В. Н. Рассторгуев. М.: Паломнический центр МП, 2009. С. 192-210.
25. Силантьева М. В. Этика в плену абстракций, или О парадоксе научности профессиональной этики // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 3 (42). С. 280-281.
26. Силантьева М. В., Шестопал А. В. Межкультурная коммуникация. «Мягкая сила» культурных модуляторов // Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста: материалы VII Конвента Российской ассоциации международных исследований. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 204-211.
27. Толстопятенко Г. П. Правовые школы МГИМО // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 5 (38). С. 159-170.

28. Толстопятенко Г. П. Принцип гармонизации в системе европейского налогового права // Актуальные проблемы финансового права: сб. науч. статей, посвященный 75-летию Н. И. Химичевой / под ред. Е. В. Покачаловой. Саратов: Изд-во Саратовской гос. акад. права, 2003. С. 138-145.
29. Торкунов А. В. Дефицит демократии и международное сотрудничество // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 21. С. 13-19.
30. Шестопап А. В. Государство и гражданин: трагедия или драма? // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 181-182.
31. Шестопап А. В. Латиноамериканистика в Евразии: новая оптика // Латинская Америка. 1992. № 12. С. 12-17.
32. Шестопап А. В. Политические модели и историческая судьба (опыт современной Бразилии) // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 170-175.
33. Шестопап А. В. Путь к демократии: бразильский опыт // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 182-186.
34. Шестопап А. В., Силантьева М. В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика: материалы VII Конвента Российской ассоциации международных исследований / под ред. А. В. Шестопапа, М. В. Силантьевой; отв. ред. А. В. Мальгин. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 10-16.
35. Barrera T. G. V., Ortiz F. E. P., Cárdenas J. A. C. Perspectivas actuales para el estudio de los derechos humanos desde sus dimensiones // Revista Logos Ciencia & Tecnología. 2013. Vol. 5. № 1. P. 97-118.
36. Engle E. Ontology, epistemology, axiology: bases for a comprehensive theory of law // Appalachian Journal of Law. 2009. Vol. 8. P. 103-122.
37. Gerhardt V. Immanuel Kants Entwurf "Zum ewigen Frieden". Eine Theorie der Politik. Darmstadt, 1995. 254 S.
38. Lula abre conferência da FAO e diz que fim da fome é essencial para a construção da paz [Электронный ресурс]. URL: <http://www.institutolula.org/lula-abre-conferencia-da-fao-e-diz-que-fim-da-fome-e-essencial-para-a-construcao-da-paz> (дата обращения: 10.04.2017).

VALUES ROLE IN INTERNATIONAL RELATIONS: THE LATIN AMERICAN VECTOR

Gorshenev Dmitrii Sergeevich

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
hasta_victoria@yahoo.com

The article deals with the evolution of the value approach to international relations in its historical perspective: from classical works by I. Kant to the structural-functional analysis of international actors' value motivation by E. Durkheim. The analysis leads to the conclusion that the emergence of new conceptions on the basis of the value approach allows a radical revision of the architecture of international relations for building the multipolar world. Thus, Latin America becomes one of the grounds where spiritual-religious values play the role of international relations regulators.

Key words and phrases: values; international relations; international organizations; Latin America; I. Kant; E. Durkheim; ethics of international relations; value ideals; duty; freedom.

УДК 165; 167

Дата поступления рукописи: 18.09.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.16>

Нейрогенетические основания художественно-когнитивной деятельности (лишь в рамках нейроэстетики) только сравнительно недавно стали привлекать внимание западноевропейской философской мысли, тогда как в отечественной философии они не получили сколько-нибудь серьезной разработки. Исследование в аспекте их существенного влияния на базисные представления философии науки и эпистемологии по сути своей является новым, его результаты имеют высокий эвристический потенциал для реконструкции узловых для философии науки проблем, а также придания концепции трансцендентализма И. Канта новых измерений, соответствующих идее биокультурного со-конструктивизма.

Ключевые слова и фразы: эпистемология искусства; когнитивные исследования; культурная нейронаука; биокультурный со-конструктивизм; нейроэстетика; стиль мышления; деятельностный трансцендентализм; деантропологизация; Science Art; рефлексия.

Краева Александра Геннадьевна, к. филос. н., доцент
Ульяновский государственный университет
kraevalex@list.ru

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСКУССТВА В ПРОСТРАНСТВЕ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Работа выполнена в рамках исследования РФФИ/РГНФ № 16-03-00487.

Целью данной статьи является попытка осмыслить значение эпистемологии искусства как важной концептуально-методологической компоненты когнитивной науки. Для этого необходимо решить следующие задачи: определить специфику современного состояния исследований данной области в трудах зарубежных